

МИРА ФОРСТ

Мажорка
НА
ПЕРЕВОСПИТАНИИ

18+

Мира Форст

Мажорка на перевоспитании

«Автор»

2026

Форст М.

Мажорка на перевоспитании / М. Форст — «Автор», 2026

Небольшой отель на Черноморском побережье пользуется популярностью среди местных мажоров. Дочь владельца отеля – одна из них. Олеся Куницына смотрит на всех свысока, участвует в диких выходках своих приятелей и плевать хотела на чужое мнение. Она дерзит капитану полиции, не подозревая о том, что капитан поспорил со своими коллегами на то, что обуздает наглую мажорку всего за две недели.

© Форст М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. МАТВЕЙ	5
ГЛАВА 2. ОЛЕСЯ	8
ГЛАВА 3. ОЛЕСЯ	12
ГЛАВА 4. МАТВЕЙ	14
ГЛАВА 5. ОЛЕСЯ	16
ГЛАВА 6. МАТВЕЙ	18
ГЛАВА 7. ОЛЕСЯ	20
ГЛАВА 8. МАТВЕЙ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мира Форст

Мажорка на перевоспитании

ГЛАВА 1. МАТВЕЙ

– Волк, глянь, чего наш бомонд в очередной раз учудил, – подзывает к своему столу Добрыня, стоит мне только появиться в кабинете.

Я не хочу смотреть. Хочу пить и хотя бы на пару минут отвлечься от дел насущных. На улице зной, рубашка липнет к телу. Но и в участке полный звездац, кондиционер с прошлой субботы ждет ремонта.

Я чертовски устал, три сложных вызова, отвратительная еда в столовке, тупая головная боль, и теперь вот опять – компания мажорчиков, явившихся кутить на Черноморское побережье.

– Что на этот раз? – тесню парней, сгрудившихся у новенького компьютера Добрыни.

– Да ты сам посмотри, – предлагает лейтенант, включая запись.

Смотрю. Все те же лица. Их пять человек. Трое парней и две девки. Заводила в их тусовке, как ни странно, девчонка. Куницына Олеся Анатольевна. Двадцати пяти лет от роду. Волосы черные. Глаза зеленые. Именно с ее отцом, владельцем отеля, расположенном по соседству с отделением полиции, я вел занимательную беседу как раз накануне вечером.

Запись с одной из городских камер видеонаблюдения демонстрирует, как прожигатели жизни распыляют краску из баллончиков на стены уличного киоска-пекарни.

– Видать, ассортимент им не понравился, – комментирует Коля Топольков.

Я смотрю и поражаюсь наглости мажоров. Они даже не думают скрывать своих лиц, настолько уверены в своей безнаказанности, в своих связях и возможностях. А сука Куницына еще и прямо в камеру смотрит, подмигивает.

– У этой девочки вся жизнь шоу, – чешет макушку Добрыня.

– Она клевая, – неожиданно звучит мечтательность в голосе Лешки Горелова.

Втроем дружно ржем над ним. Леха самый младший из нас и по возрасту, и по званию, потому является объектом постоянных насмешек со стороны матерых ментов, какими мы себя тут считаем.

– Тебе не светит, – вытирает выступившие на глазах слезы Топольков. – Она попросту тебя не заметит, как бы ты ни старался.

– Мы для нее мусор, пыль под подошвами ее модных туфель, – вторит Лутошин.

– Спорим, что обуздаю мажорочку всего за две недели? – двигает мною не только пробудившийся азарт, но и обещанная помощь со стороны отца Куницыной.

В нашем УВД спорят постоянно, на что угодно. Делают ставки. Проигравшие угощают пищей. Это весело. И мы это любим.

– Волк, ты, конечно, парень видный, – с сомнением глядит на меня не только коллега, но и по совместительству мой лучший друг Добрыня Лутошин. – Но не перегибай все же. Ее отец башляет денег всему курорту. Нашему участку тачки закупил, а без него так бы и ездили на говне. Он, если узнает, что принцессу его обидел...

– Да прекрати, – останавливаю все эти если бы да кабы. – Анатолий Савельевич сам зеленый свет дал. Виделся я с ним вчера по делу о краже в отеле, он и попросил дочурку свою приструнить. Сказал, вмешиваться не станет. И видео это, – кивнул на монитор, – мне только на руку.

– Ничего себе, – присвистнул Колька. – Даже родного батю достала. Тогда спору быть. Только, Матвей, давай, уточним условия. Приструнить, в смысле, Олеська навсегда перестает общественный порядок нарушать? Или, в смысле, она в тебя влюбится за две недели?

– Так, коли девка в него влюбится, то априори прекратит дурить, – опередил меня с ответом Добрыня. – Значит, спорим на влюбленность.

– Нехорошо как-то, – засопел Лешка. – Олеська пусть и оторва, но не заслуживает, чтобы ее чувствами игрались.

– Смотри, какой моралист, – иронично зыркнул я на младшего сержанта. – Забыл, что эта компашка на пляже устроила хохмы ради? Крокодил живой на берегу среди бела дня, это нормально? А в клубе ночном, как они над приезжими девчонками поиздевались, выставив голыми на всеобщее обозрение, это нормально? Забыл, как девочки те рыдали, когда мы в клуб на вызов прибыли?

– Ничего я не забыл, – смутился Горелов.

– Просто сам хочешь с ней в койке оказаться, – подначил его Колька.

– Че я не понимаю что ли, что рожей не вышел? – ошетинился Алексей. – На меня она точно не посмотрит.

– А у Волкова все шансы. Я в деле, – первым вытянул руку Добрыня. – Помимо пиццы ставлю еще блок сигарет.

– Согласен, – положил поверх Лутошинской свою лапу Колян. – Горелик, участвуешь или будешь и дальше на Куницу втихаря дрочить?

– Участвую, – сдался последний и единственный в городе защитник мажорки-засранки.

Я скрепил общее рукопожатие, надеясь выиграть этот спор. Дело принципа.

ГЛАВА 2. ОЛЕСЯ

Не хочу открывать глаза. Я поздно вернулась и собиралась спать до полудня, а то и дольше. Специально темные шторы плотно задвинула, на ручку двери со стороны коридора повесила бирку для дур горничных – «Не беспокоить». А вот звук у телефона отключить позабыла. И игнорировать требовательную мелодию не могу. Отец. Не сомневаюсь, встал в пять утра, потому девять – это у него разгар дня.

Где-то сбоку заворочался Роберт. Его голая спина навевает приятные воспоминания ночи. Улыбаюсь, беру телефон и соскальзываю с кровати.

– Да, папа, – отвечаю, перебравшись на широкую лоджию. Щурюсь от слишком активного солнечного диска. Совсем близко волны накатывают на берег. Номер-люкс, вид на море, естественно.

– Олеся, ко мне в кабинет, – едва ли не цедит отец.

– Пап..., – закатываю глаза.

– Быстро! – неожиданно рявкает он и отсоединяется.

Ого... Вот тебе и доброе утро.

Умываюсь наспех, смывая вчерашний макияж. Чищу зубы. Промокаю лицо полотенцем, гляжу в зеркало и решаю не тратить время на косметику. Я и без нее очень даже ничего.

Убираю волосы в высокий хвост и надеваю легкий белый сарафан.

– Лесь, ты куда? – сонно бормочет Роберт, приоткрыв один глаз.

– Завтракать, – обуваю сандалии с плетеными ремешками.

– М-мм, – неопределенно мычит мой парень. – Принеси рогаликов с маком.

– Принесу, – отправляю ему воздушный поцелуй, но он уже не видит, спит.

Папин кабинет на первом этаже отеля в административном крыле, и я спускаюсь туда на лифте для персонала.

Не стучусь. Зачем? Он же ждет меня.

Распахиваю дверь и слегка удивляюсь. Отец не один. На гостевом диванчике, широко расставив ноги, сидит Волков. Я уже сталкивалась с этим опером. Соответствует своей фамилии. Волчара настоящий. И взгляд такой – сытый, ленивый, в карих зрачках плавится золото. Волк. Красивое животное. Красивый мужик. Да только грубый очень. Вообще – хам.

– Пап, я пришла, – игнорирую присутствие его гостя, рассматривающего меня, словно я насекомое. Кретин.

– Взгляни, – разворачивает отец свой рабочий ноутбук экраном в мою сторону.

Транслируется видеозапись шалости с раскрашиванием киоска-пекарни. Мое лицо крупным планом.

– Пап, зачем мне на это смотреть? Я же там была, – пожимаю плечами и сажусь в кресло, получается так, что напротив Волкова. Он отводит от меня свой взгляд. Кожей чувствую его незаинтересованность, как женщина я ему не нравлюсь. Пофиг на него.

Отец ставит видео на паузу и принимается меня распекать. Я удивлена, что он делает это при постороннем.

– Леся, ты взрослая, а безответственная! И друзья такие же безмозглые! Я в вашем возрасте уже женат был и вкалывал с утра до ночи. А ты и твоя компашка застряли в подростковом возрасте! Творите какую-то дичь и позорите фамилии своих отцов!

– Пап, ну не начинай..., – напрягает, что любимый родитель отчитывает, когда тут сыскарь. Он же из-за кражи пришел, а теперь вот... слушает, чего не должен был слышать.

– Не начинать?! – не хочет успокаиваться мой отец.

– Пап, хватит, – стараюсь сохранять хладнокровие. – Обещаю, я возьмусь за ум и начну соответствовать фамилии Куницыных.

– Конечно, начнешь, – вдруг появляется усмешка на отцовском лице. – И не потом, а немедленно. Ты, доченька, доигралась. Я умываю руки.

– Что это значит? – спрашиваю сухо, порядком устав от упреков.

– А вот капитан тебе сейчас все объяснит, – не ведется отец на мою провокацию с показной холодностью.

Перевожу взгляд на Волкова, вскидываю бровь.

– Общественные работы или срок, – без единой эмоции на лице говорит мент. – Выбирайте, Олеся Анатольевна.

– Папа, это что, шутка такая? – сама слышу, как звенит мой голос. Я не верю, что он мог так поступить с единственной дочерью, да и потом, ничего ужасного ведь не произошло, расшевелили немножечко сонный курортный городок, подкинули новостей местной прессе, добавили остроты в однообразную жизнь местных и отдыхающих.

– Все, Олеся. Надоело, – втиснул папа свое грузное тело в кресло и как будто даже потерял ко мне интерес.

– Тогда я пошла, – пружинисто подскочила и направилась к двери.

Волков вырос передо мной скалой. При его крупной комплекции он на удивление плавно двигается. Ну точно зверь.

– Вы не дали ответа, Олеся Анатольевна, – не позволил Матвей мне убраться.

Хотелось ответить язвительно, но стало вдруг по-настоящему страшно, как бывает, когда светлый день неожиданно перетек в ночь, а ты и не заметил сразу, что идешь уже не по освещенному проулку, а во мраке подворотен.

– Ты не посмеешь отправить меня в тюрьму, капитан, – как бы ни было страшно, с вызовом задрала подбородок, только так я и могла смотреть в непроницаемые глаза Волкова. Этот мужчина высок, а я, хотя и не была мелкой, все равно рядом с ним смотрелась, наверное, недомерком.

– Значит, общественные работы, – сделал свои выводы опер.

– Папа..., – попыталась достучаться до отца.

– Леся, ты пойдешь с Матвеем Федоровичем прямо сейчас, – впервые на моей памяти был настолько суров папа по отношению ко мне. – И станешь выполнять те работы, которые он велит.

Матвей Федорович..., – мысленно передразнила я. Какой он Федорович... Ему тридцать четыре всего, а отец так перед ним любезничает.

– И что за работы? – надеялась все же отделаться малой кровью, ландшафтные посадки, например, или дежурство на пляжной вышке. Такое вполне можно было перетерпеть.

ГЛАВА 3. ОЛЕСЯ

– В здании УВД уборщица уволилась, вторая в отпуске. Пятнадцать суток поработаешь на этом участке.

Красивое лицо капитана, когда он произносил вот такую мерзость, оставалось вежливо-отстраненным, в хищных зрачках – полный штиль.

– Поломойкой!? С ума сошел?! – гнев затмевал мой разум, да и вообще все вокруг.

– Леся! – окрик отца хлестнул по и без того расшалившимся нервам. – Следи за языком. Ты вообще-то не со своими дурными подружками разговариваешь.

– И еще, – бесстрастно добавил Волков. – С утра до вечера будешь находиться под моим личным наблюдением. Если я выезжаю на вызов, едешь со мной. Иду обедать, идешь со мной. Ухожу по делам, значит, и ты идешь.

– А это еще зачем? – сощурилась я, попутно отмечая, что он все ж таки не сказал круглосуточное наблюдение, иначе это позволило бы мне обвинить его в домогательствах. Ненависть к мужчине обожгла кислотой мои внутренности и росла с геометрической прогрессией.

– Я попросил Матвея Федоровича присмотреть за тобой, – неожиданно прокомментировал отец.

– То есть заплатил ему? – едко глянула на Волкова. Капитан зло сжал челюсти, и я почувствовала удовлетворение.

– Леся, – на этот раз устало произнес папа. – Никто никому не платил. Капитан лишь любезно согласился заняться твоим перевоспитанием. Вопрос решен. Отправляйся с Матвеем. Прямо сейчас.

– А если я не пойду? – спросила-то с вызовом, но на самом деле испытывала растерянность. Никогда еще не попадала я в подобную унижительную ситуацию, да и папа никогда прежде ничего не делал против моей воли.

– Тогда на тебя наденут наручники, – спрятал отец взгляд от меня за монитором своего компьютера.

Я слотнула, не найдя достойного ответа, абсолютно не понимая, как теперь вести себя. Абсурд становился реальностью. Папа ушел в несознанку, а надменный опер надменно взирает на меня. Мое обычно действенное оружие – женское очарование, на неприступного мужчину никак не действовало, подобные типы не чувствительны к женским чарам, слишком уверены в собственной неотразимости.

– Можно хотя бы позавтракать, прежде чем идти с ним? – не придумала ничего лучше для отсрочки кошмара.

– Рабочий день уже начался, – показательно покрутил Волков часы на своем запястье. – Нас ждут в участке.

– Папа!? – все еще не могла поверить я, что отец так со мной поступает.

– Делай, как говорит Матвей, – жестко отрезал обычно лояльный ко мне и моим выходкам родитель, но почему-то не сегодня. – Его время ценно, он не обязан ждать твое величество.

Что ж... раз любимый папочка так себя ведет... Не говоря больше ни слова, я развернулась к двери, намеренно задевая кончиком своего хвоста грудь ненавистного капитана, и гордо, с выпрямленной спиной покинула отцовский кабинет.

Волков вышел следом, и я не удержалась от язвительности:

– А что только капитанские погоны? Слабо тебе до майора хотя бы?

– Куница невелика по размеру и почти всегда становится добычей крупного хищника, такого, как волк, например, – усмехнулся опер. – Знаешь, Олеся Анатольевна, как волк охотится на куницу? Выслеживает, идет по следу, подстерегает, прыгает и давит, сжав челюстями

голову зверька, глотает, почти не жуя, и идет дальше на поиски более существенной добычи, забыв о глупой кунице.

– Благодарю за занимательную лекцию из жизни лесного мира, – нацепила я на лицо маску равнодушия. – Только вы упустили маленькую, но важную деталь, капитан. Куница весьма проворное животное и вполне способна вырваться из лап волчары.

– Пусть так, – потер капитан ребром ладони свой тяжелый подбородок. – Но не из лап матерого волка, Олеся Анатольевна.

– Мне нужно телефон взять и парня своего предупредить, – мысленно обзывала капитана всеми известными мне ругательствами, от кретина до скуфа.

– Давай, – милостиво кивнул Волков и поперся за мной.

– Подожди на улице, – попыталась отделаться от него.

– Нет, – выдал грубиян. Боится, наверное, что сбегу, опозорится тогда перед моим отцом, ему доверили, а он не уследил за вверенным дитем. Какое пятно в незапятнанном послужном списке....

– До того, как ты тут появился, моя жизнь была идеальна, – специально пошла на последний, четвертый этаж пешком, чтобы потянуть время и вымотать капитана прежде, чем он притащит меня в участок. Интересно, если сильно его достать, он откажется выполнять просьбу моего отца, отступится?

– Сама виновата, – похоже, нисколько не парило его пешее восхождение.

– У меня нервы из-за тебя испортились, – давило мне на психику само его присутствие рядом со мной, его запах и пригибающая к земле аура крупного мужчины.

– Ты много болтаешь, – встал он за моей спиной, когда я остановилась у номера-люкс. – Побереги силы, Олеся Анатольевна. Они тебе понадобятся для мытья унитаза.

Его дыхание щекотало мне шею, желание прибить мужчину подталкивало дерзить и кусаться.

– Только полы. Никаких сортиров, – процедила, сжав губы.

– А еще окна мыть и убирать мусор из мусорных корзин, – издевательски нашептывал он.

– Кретин, – провела картой-считывателем, вошла в свой номер, где останавливаюсь всегда, когда приезжаю к папе.

Роберт услышал, что я вернулась, прошлепал голыми ступнями в прихожую. Жаль, трусы натянул, было бы гораздо эффектнее, появись он без них.

– Малышка, у нас полиция? – чмокнул он меня в щеку, косясь на Матвея. Тот был не в форме, обычные брюки черные и темно-синяя рубашка с коротким рукавом, но городок маленький, все тут друг друга знают, хотя Роберт и не местный, да уже второй год зависает здесь вместе со мной весь летний сезон.

– Папа попросил помочь капитану. Потом объясню, – не придумала я еще, что скажу любимому и своей банде. Выкручусь как-нибудь. – Я за телефоном зашла. Извини, рогаики не принесла.

Забрав мобилу, прижалась губами к губам Роберта, ловя на себе сверлящий взгляд Волкова.

ГЛАВА 4. МАТВЕЙ

У меня был план. Хороший. А еще союзник. В лице ее отца. Анатолий Савельевич переживал за дочь. Сильно переживал.

– Задержалась она в периоде взросления, Матвей, – говорил мне Куницын. – На то есть, конечно, причины. Но пора приструнить Олесю, сбить с нее спесь эту, которой девочка обросла.

И я обещал помочь, так как его планы совпадали с моим пари. Весьма удачно совпадали. А еще глупая Олеська не в курсах, что у ее обожаемого папочки роман с хозяйкой той самой пекарни, которую она со своей компашкой изгвадала. Савельич оттого и взбеленился, оттого и решил наконец-то покарать строптивую деточку. Так что не то здание для своих художеств выбрали мажоры.

В участке общественные работы я для Куницыной согласовал, как и с уборщицей нашей Марьяшкой договорился, чтоб две недели на работу не выходила, устроил ей внеплановый оплачиваемый отпуск.

Оставалось устранить Роберта, парня Олеськиного, чтоб не путался под ногами. Я смотрел, как они целуются и думал о том, как сделать так, чтоб поцелуй этот стал для них прощальным. И придумал.

– Я готова, – оторвалась девушка от своего бойфренда, взяла сумочку, сунула туда свой телефон и, не подумав о подходящей одежде, направилась ко мне.

От отеля идти было недалеко, семь минут и мы на месте.

– Знакомьтесь, – первым делом завел ее в свой отдел. – Куницына Олеся Анатольевна. На пятнадцать суток заменяет Марьяну с уборкой.

– Добро пожаловать! – распустил Лешка Горелов хвост перед гостьей.

– С добром пожаловала, – улыбнулась ему Леська, отчего младший сержант залился краской.

– У нас тут булочки, пончики. Будете, милая девушка? – принялся кадрить ее счастливо женатый Колька Топольков.

– Не откажусь, а то ваш капитан даже позавтракать не позволил, – вовсю кокетничала девчонка с моими коллегами.

– Потом поешь, – дернул ее за локоть к выходу. – Бумаги все по твоим общественным работам оформим, наш завхоз тебе фронт работы покажет, потом можешь съесть и булочку, и пончик. Парни тебе оставят.

– Оставим, Олеся. Обязательно оставим, – пообещал Горелов.

– Мне вас очень жаль, парни, – картинно вздохнула стервозина. – Работа с таким человеком, как капитан Волков, наверное, весьма утомительна.

Мои друзья-коллеги заготовили, даже Добрыня, предатель, рассмеялся.

– Куницына, ты здесь для того, чтобы работать, а не с операми флиртовать, – не отпуская ее локтя, вел наследницу гостиничного бизнеса по истертому коридору.

– Если ты не заметил, они сами со мной флиртовали, – парировала девчонка. – И отпусти уже меня. Я же не убегаю никуда.

Разжал пальцы, и Олеся потеряла кожу на месте моей хватки, будто ей было неприятно. Мажорка чертова, брезгует, что до нее мужик дотрагивается без счета с шестью нулями в банке. Ничего, я тебя проучу избалованная девчонка, – ухмыльнулся мысленно, внешне сохраняя невозмутимость. Меня трудно было вывести на эмоции, этой дурочке с завышенной самооценкой никогда не догадаться, о чем думаю на самом деле.

Оставил ее у дежурного для оформления бумаг, попросив Антоху после познакомиться Олеську с завхозом. Сам же вышел во внутренний двор, отошел к оградке и набрал номер Лены Мартыновой.

Ленка была элитной проституткой, промышляла в местных отелях, цепляла богатых отдыхающих, не гнушалась воровством и периодически попадалась. Девке уже хорошо за тридцать, но внешностью матушка природа ее не обидела. Шикарная. Шеи сворачивали и юнцы, и папики. С первыми она развлекалась, вторых доила.

– Только не говори, что я на чем-то попалась, – ответила она на мой призыв после второго гудка. – Я чиста, капитан.

– Лен, с просьбой звоню, – на самом деле не первый раз использовал я Мартынову, благодаря чему она и не сидит до сих пор за решеткой.

– Если, как в том месяце, к криминальному авторитету за столик подсесть, не проси. Еле ноги от того утырка унесла.

– Да перестань, Елена. Ничего бы с тобой не случилось. Мы тебя страховали.

– Не знаю никакой Елены. Я Малена. Сколько повторять?

– Хорошо. Малена, – было мне пофиг, как ее называть. – Обещаю, никаких криминальных авторитетов. Парень один. Из богатеньких. Надо с ним так погулять, чтоб девчонка его вас застукала. За пикантным.

– А... Измена. Ссора, – хрипло хохотнула Мартынова. – Это я умею.

– Вот и отлично, Лена-Малена, что умеешь. Оплату получишь, как обычно. Сделать надо сегодня. Дополнительно информацию вышлю сообщением.

– А че за девчонка? Сам что ли запал, капитан? – проявила ненужное любопытство путана.

– Не запал, – достал из кармана брюк пачку сигарет. – Проучить девчонку надо. Борзая слишком.

– А говоришь не запал... – сделала свои выводы Ленка. – Ладно. Присылай инфу. Сделаю все по высшему разряду. Рассорю любовничков на веки вечные.

Завершив разговор, вытянул сигарету из пачки, закурил, пуская колечки дыма в раскаленный воздух. Пока все шло, как надо. И в Елене я не сомневался, ни разу еще не подвела.

Вернулся в кабинет. Олеська уже была там, кусала пончик белыми зубками и мило болтала с операми.

– Мы поругались с женой, – делился с девушкой Добрыня подробностями своей личной жизни. – Она меня выгнала, я и ушел к другу ночевать, – упустил он подробность, что друг этот я. – А потом скандал устроила, что дома не ночевал.

– Ну.. так это же не вы ушли, а она вас выставила. Вам же надо было куда-то идти, – поддержала Добрыню наша новая поломойка.

– Олесья, иди, приступай к работе, – выгнал я ее. – В коридоре корзина из шредера вывалилась. Весь мусор на полу. Тебя дожидается.

ГЛАВА 5. ОЛЕСЯ

Завхоз Иван Иванович показал мне, где брать средства и инвентарь для уборки. Объем работ – коридор, пост дежурного, шесть кабинетов, две уборные. Все на первом этаже. На втором прибирала другая женщина.

– Еще кабинет полковника Головнева Владислава Андреевича. Но он сейчас в отпуске. Без него мыть там ничего не надо, – порадовал уменьшением обязанностей завхоз. – И общая лестница между этажами. По лестнице договорись с Надеждой Павловной, ее обычно по очереди моют.

Я покивала, заранее решая, в туалетах мыть не стану и лестницу драить тоже не буду. Попутно придумала, что наплету Роберту и остальным, почему провожу время в участке. Скажу, будто помогаю папе бумаги в архиве искать для составления семейной летописи. Папочка родом из этих мест, его прадед городovým служил. Так что отличная легенда.

Все не так уж плохо складывалось, как еще полчаса назад рисовалось в моем воображении. Парни из команды Волкова проявили ко мне участие и даже покормили. Потом, правда, вернулся капитан и все испортил.

Пришлось приступить к навязанным обязанностям.

– И правда корзина опрокинута, – разглядывала я измельченную бумагу, рассыпанную по полу.

Только теперь пришло мне в голову, мой белоснежный сарафан для уборки абсолютно неуместен, а халат, что я видела в подсобке, так ужасен, что к нему даже прикасаться страшно. Да и сандалики мои на каблуке высоком. Как в такой обуви мешки с мусором таскать?

– Олеся, тебе помочь? – увидел мое замешательство молоденький полицейский. Иван Иванович меня уже по всем кабинетам провел, так что сотрудники тут были в курсе о моих общественных работах.

Класс..., – запульсировало в груди радостью. Вот тебе и решение, как избавиться себя от кошмара. Мужчины, готовые помочь девушке в беде.

– Буду очень благодарна, – наградила рыжеволосого лейтенанта улыбкой. – Надо это как-то собрать и мешок вынести к мусорному баку на улице.

– Щас все сделаем, – опустил мой добровольный помощник на колени, споро покидал обрезки в мешок, опрокинутую корзину закинул обратно в недра шредера.

– А в контейнер выбросишь? – надеялась использовать рыжего по полной программе.

– А как же, – был рад услужить мне парень. – Разве можно такой красивой девушке тяжести таскать?

– Ты настоящий рыцарь, – отправилась к бакам вместе с ним, во-первых, чтобы посмотреть, где они находятся, во-вторых, чтобы занять себе тут личного раба. Этот услужливый мальчик может еще не раз пригодиться.

Завхоз предупредил, что не обязательно в один день убирать все кабинеты, сказал, можно чередовать. И я ни в каком не стала мыть. Кто узнает? Отсиделась в подсобке, переписываясь в телефоне с Николь и листая новостные ленты.

Для вида повозюкала шваброй в коридоре, где меня и застал Волков.

– Филонишь? – скептически сложил он руки на груди.

– С чего взял? Не видишь? Работаю, – ткнула шваброй в его ботинок.

– Ага... Как же..., – наступил он подошвой на насадку швабры, отчего ее древко больно стукнуло по моему плечу.

– Кретин, – бросила я палку, и она со стуком упала на пол, отделяясь от насадки.

– Новую купишь, – произнес хам.

– Еще чего. Из-за тебя сломалась. Сам и покупай, – показала ему неприличный жест.

– Куницына, не купишь швабры, будешь полы обычной тряпкой мыть и на коленках с этой тряпкой ползать, – издевался капитан.

– Как тебя только жена терпит, – поджала я губы.

– Не терпит. Мы в разводе, – неожиданно выдал Волков порцию информации о себе.

– Ну и правильно. Какая дура с тобой жить захочет...

– У некоторых женщин напрочь отсутствует инстинкт самосохранения, – с неприязнью произнес он.

Может, еще чего хотел умного сказать, но из кабинета показалась белобрысая башка Горелова.

– Матвей, пришла справка по тому делу.

– Хорошо. Иду, – кинул Волков в мою сторону пренебрежительный взгляд и добавил уже для меня: – Иди пообедай и возвращайся. Ты сегодня ничего не вымыла. Пока не приберешься как следует, из участка не уйдешь.

– Слушаюсь, папочка, – под одобрительный смешок Лешки, развернулась и ушла, оставив сломанную швабру валяться на полу.

Поела я в отеле, стараясь не думать об унижении уборкой. И все-таки переделалась в более подходящую одежду. Коричневые бриджи, красную футболку и кеды.

Николь прислала фотку с пляжа. Роберт, Боря и Даниель играли в волейбол. Кожа Роберта отливала бронзой на солнце, так он загорел.

Под фото вопрос от подруги:

«Присоединишься?»

«Не могу. Папе помогаю»

«Тогда встретимся вечером в клубе?»

«Ага»

Перед тем, как вернуться в участок, велела одной из горничных собрать пакет с моющими средствами.

– И ведро новое с хорошей шваброй. Отнеси к моей машине.

– Сейчас все принесу, Олеся Анатольевна, – раскланялась женщина.

Вопросов она не задавала, а я объяснять не собиралась. Пусть думает, чего хочет.

Я села за руль и немного покружила по улицам, наслаждаясь кондиционированной прохладой в салоне своего алого Porsche. Потом припарковалась у здания УВД среди полицейских машин и попросила подвернувшегося под руку опера занести внутрь все, что сложила горничная.

Добрыня Лутошин приветливо помахал мне рукой. Добрыня стоял вместе с Волковым у оградительного заборчика. Матвей выдохнул облако дыма и бросил выкуренную сигарету в урну. Мне бы хотелось игнорировать его, но он словно специально постоянно попадался мне на глаза.

ГЛАВА 6. МАТВЕЙ

До чего же пронырливая девица. Дай ей волю, так скинет всю уборку на самих оперов. И вообще... нельзя, конечно, таких вот молодых и красивых в поломойки, особенно в УВД, где все пропитано мужским тестостероном.

К вечеру она до нашего кабинета добирается, мусорные корзины вытряхивает, а на нее все пялятся, даже женатики наши Добрыня и Колька. А Леська и болтает еще, видит, что рады тут ей.

– А у вас пять столов в кабинете, – кокетничает она с Гореловым. – Один пустует. Почему?

– Это стол начальника нашего. Майора Павла Сергеевича Никольского, – охотно поясняет Лешка. – Но он на длительном больничном.

– Из-за бабы в передрагу попал, – дополняет Топольков. – Ранили майора нашего. Неудачно ранили.

– Зачем мужику баба, когда существуют красивые девушки? – острит Олеська.

Я решаю прервать этот балаган.

– Горелов, что по ограблению в отеле?

– Опрос горничных ничего не дал. В номере справа люди в момент ограбления на пляже были, а в тот, что слева, постояльцы заехали позже, – отчитывается Леша.

– А вы камеры посмотрели? – вмешивается Куницына.

– Естественно, – с дурной улыбкой сообщает Добрыня. – Отельные и дорожные. Ни одной зацепки.

– Я не про те камеры, – опускает Олеся швабру в ведро на колесах и, плохо отжав насадку, сильно мочит пол, вода даже на ее брендовые кеды попадает. – Я про камеры машин на стоянке отеля, особенно люксовых тачек, у которых камеры работают в режиме двадцать четыре на семь.

Мы с парнями переглядываемся, Леся ловит мой взгляд на себе.

– Поняла, капитан, ты злишься, что лезу не в свое дело, – черте-как моет она пол. – Молчу. Естественно, вы все посмотрели.

Делаю знак Добрыне незаметно от девчонки. Он понимает, зовет Горелова.

– Леха, пошли, вызов у нас.

Коля хмыкает, утыкается в монитор своего компьютера, а на мой телефон поступает сообщение с прикрепленными файлами. Лена-Малена выполнила свою часть сделки. Снимки четкие, однозначные. Два обнаженных, сплетенных тела. В разных ракурсах. Лица узнаваемы. Никакого фотошопа. Не устоял Роберт.

«Ниче так парнишка. Даже удовольствие получила», – делится со мной впечатлениями Ленка.

Перевожу оплату, с фотографом она сама рассчитается из этой суммы. Кошусь на Олесю, девушка как раз заканчивает, стоит ко мне вполоборота. И вот не факт, что у элитной Ленки фигура-то лучше. Да и вообще... Куницына красивая, породистая, цену себе знает. Дурак Роберт, пробал Олеську.

– Пока, мальчики, – везет девчонка ведро к двери.

Я пересылаю фото со скрытого номера. В накладных карманах ее бридж тренькает телефон. Олеся останавливается, стягивает с правой руки резиновую перчатку и достает мобильник.

Наблюдаю за ней исподволь. Подмечаю, как стискивает пальцы на смартфоне, как в зеленых глазах вспыхивает ярость.

– Олеся Анатольевна, ты в порядке? – показалось мне на мгновение, что в обморок сейчас хлопнется.

– Нет. Не в порядке, – все еще смотрит она на экран.

– Не хочешь рассказать? – изображаю из себя доброго парня.

– Нет, – отрезает девочка, намереваясь уйти.

– Олесь, чем больше мы закрываемся, тем больше проблем, – участливо смотрит на нее Топольков. – Поделись проблемой, легче станет.

– У меня нет проблем, – задирает гордо подбородок и выметается из кабинета.

– По-моему, чего-то ей там написали, что ее расстроило, – чешет Колька подбородок.

– Пойду, утешу, – отодвигаю кресло, иду за ней.

Нахожу Олесю у подсобки, куда она заталкивает ведро. Приваливаюсь плечом к дверному косяку.

– Что у тебя случилось? Рассказывай.

– День начался прекрасно, скучно завершился, – стягивает девушка цветную резинку с макушки, и ее длинные черные волосы рассыпаются ниже лопаток.

– А поподробнее? – не собираюсь отставать.

– Измена случилась, капитан Волков, – вытащила она из кладовой свою дамскую сумку.

– Знаешь, есть собаки преданные, а некоторые нападают, люди тоже такие, некоторые ведут себя прилежно, а некоторые кусают.

– Что, парень твой укусил?

– Укусил, – разворачивается Олеся ко мне спиной, но я иду следом.

– Надоела ты ему, – дразню специально. – Вот он тебя и бросил.

– Меня нельзя бросить, капитан. Меня можно только потерять, – высокомерно заявляет она, нажимая на брелок от своего Porsche.

– И что делать собралась?

– Мне фото прислали, – произносит вполне спокойно, хотя дышит часто, что выдает ее ярость. – Я знаю шлюху, с кем Роберт кувыркался. Знаю, где живет. К ней поеду.

– Опозоришься.

– Ну и пусть, – пожимает она плечами. – Не успокоюсь, пока не вырву мерзавке все волосы.

– Тогда тебе надо свои волосы в пучок собрать, – советую я.

– Зачем? – открыла Олеська водительскую дверцу, но не села, уставившись на меня пытливым.

– Если вы вцепитесь друг другу в волосы, у тебя будет преимущество, – сажусь я на пассажирское кресло, отодвигая его сильно назад, моим длинным ногам нужен простор.

– А я не поняла, ты чего в мою машину забрался? – щелкает Олеся замком от ремня безопасности. – Рабочий день закончился, могу ехать куда хочу. И без тебя.

– Так драка намечается, – опускаю стекло со своей стороны. – А там, где драка, там полиция. Вы подеретесь, а я вас разниму и отвезу в участок.

– Как же ты меня бесишь, Волков! – провернула она ключ в замке зажигания и сразу нажала на газ.

ГЛАВА 7. ОЛЕСЯ

Когда я посмотрела мерзкие фото, грудь сдавило кусачками, а перед глазами замелькали черные пятна. Но я быстро справилась с нахлынувшей дурнотой. Ярость на предателя требовала немедленной расправы. Изменил! И с кем? С местной проституткой. Вот от этого было особенно горько. Выходит, меня ему было мало, недостаточно. Болезненный укол по самолюбию.

Волков навязался мне в компанию. Я не хотела ничьей жалости, но опер вроде бы и не жалел. Вряд ли он вообще знаком с таким чувством, как жалость. Плевать на него, пусть в тачке шикарной прокатится, позавидует.

– Ты на красный свет проехала, – на удивление не орет он, просто констатирует.

– Я не в состоянии тормозить, когда мои гармоничные отношения вдруг перестали быть таковыми и запутались, – глянула искоса на его профиль. Матвей сидит расслабленно, на лице, как обычно, полная непроницаемость.

– Запутанными являются не отношения, а люди, Олеся, – вытащил он сигарету из пустой пачки и, не спрашивая моего разрешения, закурил.

– Сложно говоришь. Не могу думать сейчас конструктивно. Выплесну гнев, тогда и подумаю над твоими словами, – увеличиваю скорость выше дозволенной. Волков смотрит на спидометр, но не комментирует.

– На отце тоже гнев выплеснешь? – лениво интересуется он, скидывая пепел за стекло, открытое до упора.

– Я не сержусь на папу, – говорю правду. – Он поступил так, чтобы укротить мой буйный нрав. Хотя не понимаю, почему вдруг из-за дурацкого киоска сорвался.

– У тебя есть братья, сестры? – задает следак вопрос, на который я не хочу отвечать. Конечно, он не знает, ведь папа уехал из города в юные годы, а вернулся уже состоятельным взрослым мужчиной.

– Был старший брат, – включаю поворотник, перестраиваясь в нужную полосу.

– Как так – был? – ощущаю его взгляд на себе.

– Умер, – отвечаю коротко.

– Наверное, ты очень грустила? – не знаю, спрашивает из вежливости, или сочувствует.

– И грущу, – паркую Porsche на стоянке клуба. Николь писала, что они уже внутри. Тачка Роберта закрывает разметку, не давая никому впихнуться рядом. Охрана молчит. Хозяин клуба друг моего отца, а Роберт мой парень.

– Олеся, ты в клубе собралась разлучницу искать?

– Перестань, я не стану себя унижать, связываясь со шлюхой, – выхожу из машины.

– То есть за волосы таскать никого не будешь? – не отстает он от меня.

– По ситуации посмотрим, – избегаю по ступенькам, жалея, что не переобула каблуки. Каблуком было бы неплохо дать в лоб любителю потаскух.

Секьюрити знают в лицо и меня, и Матвея, пропускают свободно, даже дверь придерживают.

Посетителей уже много, хотя еще нет и восьми. Я знаю, где искать своих. Удобный столик с диванчиками и креслами в лаунж-зоне. Иду, выравнивая дыхание. Отчего-то остро ощущаю мужчину за спиной. Может, и хорошо, что он здесь, как будто собственная группа поддержки, хотя не факт, что Волков вступится за меня, если вдруг я окажусь в неприятной ситуации. Или вступится? Папа ведь велел ему присматривать за мной.

Николь сидит на коленях у Борьки, потягивает коктейль из цветной трубочки и смеется над какой-то шуткой своего парня. Даниель заливает в телефоне. У Роберта в руках бокал с

вермутом. Он всегда его пьет. Белоснежная рубашка великолепно оттеняет загар, в волосах бронзовые пряди, выгорели на солнце.

– Ягодка моя пришла, – видит он меня. Сколько раз называл меня Ягодкой. А сколько раз называл так после секса с другой? Была ли Маленка разовой акцией? Или Роберт и прежде ходил налево? Почему верила, не допускала?

Выхватываю коктейль у Николь и выплескиваю им в Роберта. Не дав опомниться, плещу на него вермутом. В качестве добавки – содержимое тарелки Даниеля.

– Лесь, какого черта?! – трет Роберт глаза салфеткой, пока остальные переглядываются. Я достаю телефон и демонстрирую всем ни фига не занимательные кадры.

– Осторожнее с ним, – советую я. – Вдруг заразу какую подцепил.

– Лесь..., – вновь начинает бывший.

– В отель не приходи, – перебиваю его. Мой гнев переходит в стадию презрения. – Я предупрежу персонал, чтобы тебя не пускали.

На глаза попадается кувшин с морсом. Роберт с шумом отодвигает кресло, догадываясь, что я собираюсь сделать. Мужская рука перехватывает мое запястье.

– Обойдемся без колюще-режущих, – останавливает низкий голос Волкова.

Его голосу невольно хочется подчиняться, да у меня и сил не остается на поддержание гордости, потому я разжимаю пальцы и разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов.

Прежде чем уехать, веду зазубренным ключом по дверкам BMW Роберта. Царапина получается знатной, просто красочкой не замажешь, только под замену.

Матвей смотрит, спрятав руки в карманах черных брюк.

– Молчи, – упреждаю его умные нравоучения.

– Дай ключи, – требует он. – Я поведу.

Не возражаю. Достаточно уже сегодня штрафов собрала, пока сюда мчала. Опускаю брелок в широкую ладонь.

Волков вырывает филигранно, не задев кузов Audi, прижавшейся к моей машине справа, и неожиданно быстро разгоняется. Улыбаюсь. Кручу колесико магнитолы, ставя звук на максимум. Салон заполняет голос британской певицы Charli Xcx. Ее хит – «Хорошие парни».

Charli Xcx - Good Ones

ГЛАВА 8. МАТВЕЙ

Накануне велел Олеське быть в восемь утра в участке. Она опоздала на полчаса и явилась на отработку своего наказания в совершенно неподобающем наряде. Коралловое платье едва прикрывало задницу, на белых туфлях не каблук даже, а каблучище. Волосы убрала в косу. И это сочетание – простой русской косы с нарядом восемнадцать плюс напрочь отключало мозг и мешало работать.

Бесстыжая девчонка вовсю пользовалась своей неотразимостью, играючи перекидывала свои обязанности на в разы поглупевших оперативников, еще и указывала тонким пальчиком, куда ведро подкатить и где мусор забрать.

– Вот это женщина..., – мечтательно вздохнул Горелов, наблюдая за ней в окно, выходящее во внутренний двор. Да мы все вчетвером за Куницыной наблюдали. Столпились, как идиоты, у раскрытых ставень, и глядели на то, как трое добровольцев упаковывали мешки с бумагами для сжигания, а моя подопечная ими руководит.

– Слюни подотри, – щелкнул Лешку по подбородку Топольков и покосился уже на меня. – Волк, может, зря ты ее сюда пристроил? Тут у тебя конкуренция на каждом сантиметре земли.

– Под контролем все, – отошел от окна, собираясь заняться сводкой, но в помещение просочился нежный смех Леси, и под насмешливые взгляды приятелей я перелез через подоконник и направился к девушке.

– Привет, капитан, – удостоили меня легкой улыбкой.

– Не вижу следов тяжелой ночи. Неужели не рыдала? – приблизился к ней почти вплотную, загораживая ей солнце и обзор на нее для других мужиков.

– Еще чего..., – фыркнула Леся. – Это Роберт, наверное, рыдал. У него тачка недавно из ремонта, а тут... упс... новые царапины. И я все его вещички ножницами порезала. И паспорт тоже. Жаль водительские права при нем были.

– С тобой опасно связываться, да, Куницына? – словил себя на мысли, что мне неожиданно нравится слушать ее треп.

– Вовсе нет, – не потрудилась придержать она подол короткой юбки, с которой принялся играть ветер. – Просто Роберт обошелся со мной плохо. Вот и получил.

– Олесья, иди в здание, а конкретно в кабинет моей команды. Там прибраться надо. У Добрыни точилка раскололась, грифели от карандашей по всему полу, – наврал я. – И больше в таком виде не являйся на работу.

– Опять указываешь? – прищурилась она. – Я у завхоза вашего узнавала, никакой должностной инструкции для поломоек не существует, нигде не прописано, что уборщица обязана рядиться в хламиду, как ваша Надежда Павловна со второго этажа. Ты видел во что она одета? Спортивный костюм времен фильма про Электроника и тапки с чавкающей подошвой.

– По-твоему, все должны одеваться как в модных журналах что ли? Все ходят, как хотят, как удобно. Тебе-то что?

– Волков, ты себя слышал? – подбоченилась Олеська. – Все ходят, как хотят, как удобно. Твои слова. Значит, я вольна ходить на эту дурацкую отработку в чем угодно.

– Марш в здание! – едва не зарычал я. Вот же пройдоха...

– Волков, ты очень напряжен, – хлопала накрашенными ресничками коза. – Расслабься.

– А ты что, прям спец по языку тела, чтоб понимать, напряжен я или нет?

– Язык тела многое рассказывает о человеке, – плавным жестом перебрosiла она длинную косу со спины на плечо, глядя при этом в мои глаза.

– И что же тебе говорит мой язык тела? – сам и не понял, как втянула в спор, заговорила меня девчонка.

– То, что ты грубый, нахальный тип, не считающийся ни с чьим мнением, – припечатала Олеська словом, обошла меня и важно поднялась по ступеням здания УВД, будто она тут не персонал с тряпкой, а генерал из столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.